

Маруся Светлова

г. Белгород

Идущие вместе

Он мычал, держась за столб, ему казалось, что мычание помогает ему стоять почти ровно, хотя ох как качало его из стороны в сторону, видно было: не удержаться ему на ногах, не удержаться...

И он упал. А упав, смирился, даже попытался улечься поудобнее, головой опираясь на бордюр тротуара. И даже в состоянии этом, почти бессознательном, где-то в глубине его поднялась обида. Привычная, застарелая: «Я им... а они... Я для них... а они...»

И в пьяном полусне погружался он в ту жизнь, где остался его Славка, вихрастый, глазастый. Радостное его:

– Пап, а когда ты придёшь с работы, давай соберём...

– Пап, а давай с тобой на санках...

– Пап, а давай...

И как часто он, дурак, отказывал Славке в нехитрых его детских просьбах.

Там осталась квартира его, которую он когда-то сам ремонтировал, сам полы паркетные настилал, и Верка хвасталась перед тёщей – вот, мол, какой у меня Сашка рукастый.

В комнате его, в которой он жил сейчас, не было паркетных полов. Почему-то имен-

но полы эти паркетные, оставленные в той квартире, да старый вытертый линолеум в его нынешней комнате казались ему самой большой несправедливостью: он там полы делал-делал, и его же из этой квартиры и выкинули! Нет, ну как это вам нравится? Есть в этой жизни какая-нибудь справедливость?! Часто, напиваясь, в пьяных разговорах со своими собутыльниками начинал он своё:

– Я им полы своими руками постелил, я каждую дощечку там своими руками отшлифовал, и вот тебе благодарность, меня же из квартиры выкинули...

Забывал он во время таких вот возмущённых разговоров и пьянство своё, и как приходил домой, что называется, на рогах, и как Славка не раз пугался его, пьяного, и как Вера плакала, сидя на кухне, оплакивая и любовь их, и семью их, и Славкину будущую безотцовщину. Ведь разве можно было назвать отцом это мерзкое, нажравшееся до скотского состояния существо...

Не помнил он обо всем этом. Помнил только обиду. И себя не считал виноватым. Виноваты были они, он им полы своими руками делал, а они... И каждый раз думал о них осуждающе: «Как они не понимают... Ничего они не понимают...»

...Она вышла из магазина и чертыхнулась, увидев этого пьяного мужчину... подумала осуждающе, зло: «Ну что за люди?! Ну как можно так жить?!»

Всегда, когда встречала что-то, расходящееся с её правилами и представлениями, она думала: «Не понимаю – как можно до такого себя довести!»

Вот и подумала опять: «А ведь у него где-то есть мать. Вот матери-то стыд какой – такого сына иметь! – и продолжила свою мысль: – Да разве думают они о матерях!» Мысль эта задела её, задела больно, потому что дома тоже вот такой вот, не пьющий ещё, но вредный, о ней, о матери, не думающий. Сердце ей рвущий.

Всю дорогу домой так и ворочала в голове свои претензии к сыну: «Никакого тебе уважения к матери. Слушаться совсем пе-

рестал. Ему слово, он тебе десять в ответ. Ему говорят – домой вовремя, – так и знай, придёт под утро, а потом целый день будет отсыпаться и в училище не пойдёт. Ему говорят – ешь, – он нос воротит. А то придёт и всю колбасу сожрёт в один присест. А он на неё заработал, на колбасу эту? И чуть что – мать, дай денег! Да ладно бы на доброе что, а то на сигареты, на пиво или на одежду эту ненормальную. И кто так только придумал одеваться? Мотня болтается чёрт знает где, на заднице чего-то написано, кофта – не кофта, а балахон какой-то, перед соседями стыдно».

Заходя в квартиру и услышав – сын на кухне, вздохнула тяжело, – сейчас начнёт нервы мотать...

...Он даже не стал есть, отставил тарелку. Резко – так, что суп пролился, когда она в ответ на его просьбу начала уже своё привычное:

– Опять деньги? А ты их заработал? Тебе зачем они нужны, чтобы из дому смотаться? Нет бы матери помочь, хоть спросил бы – может, что дома надо сделать...

Он, дёрнувшись всем телом – так, что даже стол качнулся и опять из тарелки плеснулся суп, – выскочил как ошпаренный из кухни, и только дверь за ним хлопнула...

А она стукнула стгоряча рукой по столу, так что суп этот злосчастный опять по столу разлился, и со злостью, с горечью подумала, в который уже раз переживая такую ситуацию: «И за что мне это, Господи?! За что мне такое наказание?! Эгоист проклятый...»

И, убирая тарелку, вытирая стол, думала уже привычно: «Придёт опять под утро, а я тут – не спи, жди его, переживай... И сколько же он будет мне нервы мотать, ишь, слова ему поперёк не скажи, моду взял, с матерью спорить...»

Казалось ей это такой вопиющей несправедливостью: она – мать, а он с ней, с матерью, так разговаривает.

И себя виновной она не чувствовала. А чего ей было считать себя виноватой. Она что, виновата, что сын ей такой достался,

что на него бешенство нападает? И подумала осуждающе, как всегда думала о нём: «Как же он не понимает, что так нельзя!.. Как же он не понимает...»

...Он – взрослый человек, он – личность, а она его всё учит. Всё контролирует: это делай, то не делай. Так чашку не ставь, так ложку не клади. Всё отчёта требует – куда да зачем... А её какое дело, он взрослый человек!

И подумал он вдруг: предки, они и есть предки, не зря все-таки родителей предками зовут. Потому что дремучие они и ничего в этой жизни не понимают, а всё учат, всё учат. А чему они научить могут таких вот молодых, как он, которые всё равно умнее их, всё равно другой жизнью живут и никогда такими дремучими не будут. И не заметил он в своих рассуждениях, как чуть под машину не попал, только скрип тормозов услышал, дёрнулся и пошёл ещё быстрее, не оглядываясь на машину...

...Она бы прибила таких вот уродов, как этот, которые на дорогу не смотрят. И куда спешат? Куда спешит этот чёртов придурок, скажите, бога ради, куда он может спешить? Сам на чучело огородное похож: волосы не мыты, не стрижены, джинсы какие-то мотнёй мотаются, непонятно, на чём только держатся. И где они такие джинсы покупают – на вьетнамском рынке, что ли?

Она, сидевшая в дорогом автомобиле, одетая в дорожную одежду, с дорогой косметикой на лице и дорогим антуражем, только поморщиться могла вслед такому вот. Поморщиться и подумать: «Нет, ну надо же так выглядеть, так... И тоже что-то из себя воображает. Куда-то бежит, как будто его что-то хорошее ждать может». И она подумала о себе, сама о себе подумала с уважением: понятно, что она спешит, она – деловая женщина. Она карьеру делает, и делает, между прочим, успешно, достаточно на её сумочку посмотреть, что лежит рядом с ней на переднем сиденье. В сумочке один только мобильный чего стоит, не стыдно с

таким в любом самом модном и дорогом месте оказаться. А такие вот уроды бегают под колёсами или, что ещё хуже, сумки из машин воруют. Вслед за этой мыслью она проверила, закрыта ли у неё передняя дверь, а то ведь точно, уроды уродами, ни на что не годные, а стырить сумку и сбежать могут – вишь, как быстро бегают...

Подумала она презрительно: «Нет, ну что за люди, что за люди...» И головой с красивой причёской помотала...

...Он был ищущим. Он был духовно практикующим. Правилось ему так о себе думать.

Он стоял у тротуара, пропуская поток машин, который, как всегда, тёк непрерывной рекой. И куда только они торопятся? Куда несутся в этой жизни? Он смотрел на проезжавшие машины и сидящих в них холёных, упакованных, модных, соответствующих стандарту людей несколько свысока, как смотрят свысока на несмышлёнышей опытные, мудрые учителя. И ему, продвинутому и свободному, смешна была вся их мелкая суета и эта гонка по жизни за деньгами и тряпками. Он был другим, на уровень выше их. Он много читал, ходил на тренинги, даже в прошлом году съездил в ашрам и получил там из рук индийского гуру материализованное кольцо. Хоть и не поверил в то, что оно действительно материализованное, слишком он ещё был материалистом, чтобы в такое верить, но вернувшись домой показывал его друзьям, знакомым, скромно добавляя, что получил его в ашраме от самого...

Он был продвинутым, поэтому свободным от многих социальных рамок, правил и подчёркивал это в своей одежде, манере. Он давно не носил «униформу», как он называл костюмы и галстуки, и высокомерно поглядывал на людей, одетых в них, как на роботов, похожих друг на друга, помешанных на карьере, деньгах, моде, распродажах. И так же высокомерно, полупрезрительно смотрел он на таких вот, как проезжающая сейчас в машине, со-

временных женщин, как будто сошедших с модных картинок глянцевого журнала. Уж так они старались, так старались быть в форме, не отстать от тенденций моды, соответствовать рамкам, иметь то, что имеют все. Он, одетый в простой свитер и брюки цвета хаки, с длинными волосами, небрежно забранными в хвост, пропуская дорогие машины, не завидовал им ничуть. Чему было завидовать? Они были обусловленные и загнанные, он – свободный и продвинутый. И знал, понимал то, до чего им расти и расти. И он, глядя на поток машин с сидящими в них людьми, думал удивлённо: «Ну что за люди... Ничего не понимают в жизни...»

...Он был Гуру, он был Учителем.

Его называли Мастером, подчёркивая всю его высоту и мудрость.

Он учил их жить, отвечал на их вопросы замысловатыми притчами и мудрыми сравнениями. Он помогал им стать просветлёнными, делясь своим светом, своей мудростью.

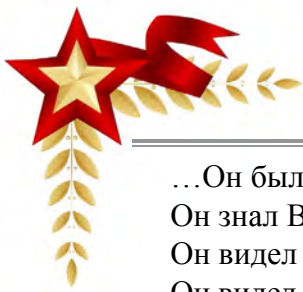
Тысячи людей приходили, приезжали к нему, чтобы попасть под его свет, прикоснуться к его одежде, чтобы хоть на мгновение, на несколько часов или дней, зарядившись этим светом, попасть в иллюзию просветления. Потому что исчезал этот внешний свет, и ничто больше их не освещало...

Зал был полон народу, и он, Учитель, проходя к краю сцены, на которой был расстелен небольшой ковёр, не смотрел пока в этот зал. Он уже знал, что там. Много таких залов он перевидал. Там – интерес в глазах. Там – ожидание чуда. Там – наивная вера, что он что-то им такое скажет, и это «что-то» с ними что-то сделает.

Вопросы их казались ему наивными, глупыми. Он иногда удивлялся: как не понимают они самых простых истин, и тоже считают себя продвинутыми? Им ещё расти и расти...

В голове вновь всплыла привычная мысль: «Ну, люди... Ну, люди... Ничего-то они в жизни не понимают...»

...Он был Бог.
Он знал ВСЁ.
Он видел ВСЁ.

Он видел с высоты небес всё, чего не видели они, приземлённые.

Лестницу между небом и землёй, по которой поднимались, шли люди.

Шли к свету – от тьмы.

Они шли, и шаги их были разными. И скорость. И выражение лиц.

Но все они были идущими вместе.

Рядом шли порядочная женщина и проститутка, духовно практикующий человек и подросток с дредами, бизнесмен и бомж. Вместе шли – трезвые и пьяные, молодые и старые, мужчины и женщины, маленькие дети, держась за руки родителей.

Рядом, плечом к плечу, в одном направлении шли все они: разные, непохожие, но одинаковые для Бога в темноте своей, стремящиеся к свету. Они шли вместе.

Но каждый думал, что он отдельный. Другой. Непохожий.

Каждый считал себя умнее других. Каждый осуждал другого. Каждый обвинял другого, не замечая своих ошибок.

Но каждый стоял на своей ступеньке. На одной ступеньке лестницы, ведущей к Богу.

И каждый, стоя в самом начале этой лестницы, считал себя выше, лучше и смотрел свысока на других. И так смешно было Богу их высокомерие.

Потому что каждый не умел жить. Каждый ошибался, и падал, и делал глупости. Делал одни и те же ошибки. Кто-то раньше, кто-то позже. Кто-то тяжелее, кто-то легче

проходил урок, этап, ступеньку, мимо которой никто не мог пройти. Из них, этих ступенек, и состоял путь в Небеса, к свободе, к свету, к Богу.

И если бы только понимали они, что одинаковые они, что одним и тем же путём идут, что они – идущие вместе...

Если бы только видели друг в друге не соперника или врага, не обузу или наказание, а помощника и учителя в прохождении своего пути...

Если бы видели в другом такого же нуждающегося в помощи и поддержке и протягивали бы друг другу руку, чтобы легче было идти, чтобы легче было вставать после падения и подниматься на следующую ступеньку, каким ровным бы стал их шаг!

Как легко – шаг за шагом, спокойно и уверенно, слаженно, как единое целое, – поднимались бы они по ступенькам лестницы, ведущей в Небеса.

Быть вместе – это главный урок, который им нужно было пройти.

Быть вместе. Быть целым. Быть благодарным тому, кто рядом с тобой. Кто дан тебе как Учитель.

Вместе.

Шаг за шагом.

К свету.

Вверх!

страницы автора:

svet-love.ru

vk.com/id62671728

В предыдущем номере мы узнали, как в современном темпе жизни выкроить драгоценное время на чтение книг, а также как с умом подойти к выбору литературы. Когда же время найдено и выбор сделан, настал черёд организовать комфортные условия для чтения.

Окончание, начало на с. 95

Читайте в тишине: лишние звуки неизбежно забирают часть вашего внимания, так как далеко не всякий человеческий мозг «заточен» под многозадачность. Тишина и покой – одно из главных условий продуктивного чтения.

Делайте логические перерывы не реже чем

раз в час. Глазам после продолжительного чтения необходим отдых. Мышцам спины и шеи после пребывания в однообразной статичной позе, наоборот, желательно дать подвигаться. Встаньте, пройдитесь, налейте себе стакан воды, сделайте гимнастику для глаз, обдумайте прочитанное.

Советы для читателей

